

Николай Гумберя

САНАТОРИЙ

Николай Александрович Гиливеря

Санаторий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73094538

SelfPub; 2026

Аннотация

Миллионы людей фантазируют о прекрасном будущем, в котором летающие машины станут обыденностью, смертельные болезни будут побеждены, а производители обуви откажутся от шнурков в пользу липучек. Но вот наступает XXII век, и всё, что он может предложить мечтателям, – те же бесконечные очереди в супермаркетах, экзистенциальный кризис и моду на неуместные имена. Последние два пункта очень точно характеризуют главного героя, страдающего приступами агрессии после болезненного разрыва с женой. Заботливый врач отправляет неприкаянного в место, где реальность смешается со сказкой, вылившись в фантазмагорический курорт, а между детективными похождениями в альтернативной реальности свергнувшие человечество греческие боги попытаются понять, каково это – быть марионетками в руках индустриализации.

Состав: пародия на английский юмор (Е 602), иносказательность (Е 133), флирт с философией (Е 412), скрытые ребусы (Е 312). Продукт может содержать паранойю. После вскрытия хранить при температуре 26,5 °С

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРОЛИЧЬЯ НОРА	4
ГЛАВА 1. РАФАЭЛЬ	4
рекламная пауза ∞	39
ГЛАВА 2. ЭКСКУРСИЯ	43
Эрос и Веста. Вечерний Ахиллес. 1893	83
выпуск от 17.03.2128	
ГЛАВА 3. ВОЛНЫ ВЕРГДЖИЛИУСА	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Николай Гилливеря

Санаторий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КРОЛИЧЬЯ НОРА

*И скрылся, и смылся, и дёрну он дал – храбрейший
сэр Робин-смельчак...*

«Монти Пайтон и Священный Грааль» (1975)

ГЛАВА 1. РАФАЭЛЬ

Если забраться на крышу многоэтажки, то панорамный вид города в это время может порадовать смотрящего своей умиротворяющей статикой. Ночные фонари ласкают призрачный взгляд жёлтым кадмием, рассыпаясь тонкой паутиной по всему пространству. Освещение в последнем бодрствующем окне выключили с четверть часа назад. Дома схоронились в безмолвной тьме, и только плеяда красных сигнальных огоньков свидетельствует о присутствии таковых.

Летние ночи буквально созданы для человека. Мало того, что прохлада компенсирует ужасы жаркого дня, погружая тело в комфортную среду, так ещё и поднимает моральный

дух, но из-за комендантского часа случайных людей на улице не встретить. Даже законченный выпивоха уже мирно спит с приоткрытой форточкой в надежде на честно заработанный досуг выходного дня.

В наскоро описанном городском пейзаже появляется маленькая неувязка. Если спуститься с крыши, пройти неспешным шагом по центральной аллее, свернуть за магазин «ЭДЕМ», а затем, пройдя парковку, обогнуть детскую площадку, то у одного из жилых ульев заметится вялая суматоха.

С парковки услышится возня. Ближе к детской площадке проявится фургон белого цвета с красными лампасами. Из проёма первого этажа обнаружится намёк на зажжённый свет, просачивающийся через тончайшие нестыковки жалюзи, а у подъезда станут различимы несколько тел, которые своею кучностью образуют цельное пятно. Если же внимательно сощуриться на соседние окна, то от некоторых повеет незримым любопытством. Но давайте не отвлекаться по чём зря на детали, а сосредоточимся на фрагменте ближе к центру композиции, где кутерьма достигает своего пика. На картинной плоскости показываются действующие лица.

Коротко забритыми затылками по левую и правую стороны располагаются две мужские фигуры. Над головой, что пониже, протягивается никотиновая дымка. Эти два тела невольно конструируют вертикальные границы, в которые вписываются остальные фигуранты. К левому сегменту прижимается неказистый дядя в ночнушке с плешью на макуш-

ке. Его маленькие глазёнки на толстом лице смотрят с виноватой озабоченностью, точно выпрашивая зрительного контакта у человека, которого ведёт работник, похожий на первых двух. Виновник сложившейся сцены не оказывает никакого сопротивления. Напротив, с обыденным спокойствием идёт он самостоятельно, отчего обязанность «казённого палача» заключается лишь в подстраховке.

Внешность героя имеет не последнее значение, учитывая то, как часто нам придётся сталкиваться с ним на протяжении всего повествования. Стоит изучить этого джентльмена как друга (или не самого лицеприятного родственника), чтобы затем воспроизводить в уме образ, с лёгкостью представляя его во время происходящих манипуляций.

Нашему персонажу чуть меньше сорока лет. Роста он вышел непримечательного, зато кучерявая копна чудесно подчёркивает гармоничные черты лица. Под симпатичным носом гарцуют густые усы, а пятидневная щетина на щеках и подбородке только акцентирует декоративное убранство. Печальные карие глаза вызывают доверие за счёт своей схожести с провинившейся собачонкой, которая, несмотря на запрет хозяина, таки утатила лакомство и теперь старается всем видом показать, как ей совестно. Читательский взгляд цепляется за надпись на бежевой футболке: *Make like a tree and get out of here*¹, но можно ли по ней делать выводы о лич-

¹ Постоянное выражение Биффа Таннена, героя из трилогии «Назад в будущее». На первый взгляд оно кажется совершенно бессмысленным: «Сделай как

ности – покажет только время.

Когда Рафаэль равняется с соседом в пижаме, тот не упускает случая сказать:

– Друг... Ты прости сердечно. Точнее, не так, поставь себя на моё место. У меня ведь маленькие дети, работа с утра пораньше, а ты...

– О чём речь? – Подконвойный делает аккуратный шаг в сторону доносчика, хлопая мужчину по плечу. – Ты всё сделал правильно.

– Пойми, я не держу на тебя зла.

– И за это я тебя очень ценю как соседа.

Не оглядываясь, смутьян усаживается в карету, а пухляш отправляется к себе домой досматривать беспокойные сны, возвращая ночному городу молчаливую целомудренность, которая через три часа будет сдаваться, уступая место удушливой жаре.

В салоне машины не так свежо, хоть форточка боковой двери и приоткрыта. Приятно урчит исправный мотор, наполняя голову туманной безмятежностью утреннего рассвета.

До ушей Рафаэля доносятся тихие голоса санитаров. У одного из них примечательный орлиный нос и мощные че-

дерево, проваливай отсюда». Оригинальное выражение, в основе которого лежит игра слов, звучит как *make like a tree and leave*. *Leave* переводится как «уходить» и как «лист на дереве».

люсти. У собеседника же лицо ассоциируется с неровным овалом, который старательно нарисовал ребёнок. Сам разговор складывается ерундовый, да и нужен он в данный момент лишь для взаимной поддержки, чтобы элементарно не уснуть при исполнении.

– Вчера наслаждался игрой Ирмы Уррей², – негромко воркует орлиный клюв.

– Это которую ты показывал на прошлых выходных?

– Её самую.

– И как она в этот раз?

– Также хороша, это ведь старинная запись.

– Ну знаешь, бывает, с каждым разом, когда фильм там пересматриваешь или песню переслушиваешь, то начинаешь замечать всё больше деталей.

– Есть такое.

– И когда после всех этих многочисленных повторов ты улавливаешь пустяки, то и сам продукт вроде как меняет к себе отношение.

– Точно.

– Так вот, послушай. Обычно подробность меняет отношение к самому контенту только в лучшую сторону. Я ни разу не слышал, чтобы новые мелочи, допустим, в фильме, наоборот, вызывали негативное отношение. Это противоре-

² Ирма Уррей – первая мексиканская чемпионка в спортивном боулинге. Впервые женский зачёт соревнований был представлен в 1972 году. На момент участия ей было сорок пять лет.

чит логике.

– Соглашусь.

– Вот я и спрашиваю тебя, как Ирма управлялась с шарами в этот последний раз?

– Неизменно ловко, мой друг, как и двадцать лет назад, когда отец впервые показал мне чемпионат.

– Ничего качественно нового не заметил?

– Думаю, нет, но только потому, что видел эту игру несколько тысяч раз.

– Знаешь, это странно.

– М?

– Вот так пересматривать одно видео.

– Но ты ведь переслушиваешь любимые песни?

– Песни на то и песни, чтобы их переслушивать.

– А памятное соревнование по боулингу чем хуже?

– Там нет музыки.

– Зато есть боулинг.

На целую минуту повисает тишина, которую прерывает санитар с мягким лицом:

– Вот только знаешь в чём основное отличие?

– Ты про что?

– Про музыку и боулинг.

– ...

– Ну вот, к примеру, я музыку пишу и слушаю.

– Так.

– А ты в боулинг не играешь.

– Не играю.

– Тогда зачем тебе воспроизводить эту игру бесчисленное количество раз?

– Не знаю, может, потому что там красивые женщины ловко управляют с тяжелыми шарами, а может, потому что моему отцу нравилась эта запись. Знаешь, теперь мне действительно кажется такое увлечение бессмыслицей.

– Прости, если вдруг расстроил тебя.

– Всё хорошо.

– Боулинг – красивый вид спорта.

– Да.

– Другие ведь смотрят футбол там или хоккей, хотя сами никогда в жизни не пинали мяч и клюшку не держали.

– Точно. Льда не нюхали.

– А боулинг – сложный вид спорта.

– Филигранный.

– Именно... Зрелищный.

– Очень.

– Тем более женский.

– В особенности он.

Санитары плавно впадают в сонный транс. Рафаэль ощущает их тяжелые веки, которые с каждым морганием всё дольше держат глаза под своим тонким забралом. Нужно срочно что-нибудь предпринять.

– Но как же отдельно взятая личность?

Два взора синхронно пробуждаются. Гость приподнима-

ется на носилках.

– Вы про?.. – Орлиный нос промаргивается, параллельно вытягивая плечи подобно тому, как грифы или сипы расправляют крылья.

– Про ваш разговор.

– О спорте?

– Не совсем. Про тезис вашего товарища. А вы с ним, подмечу, согласились.

– И вы сказали?.. – Второй санитар сбрасывает пелену, заинтересовавшись разговором.

– И я сказал, что отдельно взятая личность при внимательном рассмотрении (а оно возможно только тогда, когда вы находитесь с ней в постоянном контакте) со временем начинает вызывать негативное отношение.

– Это вы так решили?

– Погодите, – орлиный нос не даёт ответить Рафаэлю на вопрос товарища. – То есть вы утверждаете, союз между мужчиной и женщиной в долгой перспективе – это путь к разрушению?

– Не я, а статистика.

– Послушайте, я знаю множество крепких семей, которые и не думают разводиться. Живут десятилетиями вместе, на их лицах сияют улыбки, и идут они рука об руку. Никакая там ваша доскональность с показателями им неведома.

– Не спорю, есть такие крепкие узы, но статистика разводов с вами в корне не согласна. Да и смотрите вы на такие

семьи без возможности подробного анализа. Проще говоря, видите лицевую сторону. Большинство людей расходятся в зрелом возрасте как раз по причине этой самой детальности, так как слишком хорошо узнают друг друга. Искренность близкого человека с её бытовыми привычками и заскоками почти неизбежно будет неприятна партнёру. Причём такое чувство – негативный его оттенок – может накапливаться неосознанно, и пока существует хоть какая-то мнимая мотивация быть рядом, особенности будут игнорироваться, но в итоге пузырь иллюзий неизбежно лопнет, обнажив гноящуюся рану.

– Ваше мнение однобоко. Что бы вы тут сейчас ни говорили, но выберетесь в выходной солнечный день на улицу, и вы узрите счастливые семьи, которые просто идут в магазин за покупками или, к примеру, радуются пению коноплянки.

– Не все достигают детальности. Порою не хватает целой жизни, чтобы муж смог запомнить какого цвета глаза у благодетельной, не говоря уже о более глубоких связях.

– Даже если представить, что всё так обстоит, и что ваша статистика такая мрачная, и все в ней несчастливы, то насчёт себя могу вас заверить, со своей женой я в союзе пятнадцать лет. Я изучил её повадки, знаю каждый её недостаток, как маленький, так и большой, но от этого не стал менее счастливым, чем в первый день нашего знакомства. Вот так-то!

– Как друг подзащитного, – встречает санитар с мягкими чертами, – подтверждаю вышесказанное.

– Что ваш друг счастлив – спору нет. Я ему безоговорочно верю, но он не может констатировать, что и его жена также счастлива.

В мгновение орлиные глаза гневно вспыхивают, но сгибатели пальцев и кисти вовремя спохватываются, запрещая себе праведную волю. Вслух же мужчина ничего не молвит, лишь мысленно бубнит таинственные доводы против аргументов собеседника и, опустив голову на грудь, позволяет себе, наконец, немного отдохнуть. На сцене остаётся лишь тишина с горьковатым послевкусием.

Как только железные ворота распахиваются, в сопатку ударяет лекарственный запах. И хоть никто не посмеет сказать в лицо, что чуткий нос не смог бы в действительности уловить медикаментозный флёр (подхваченный очередным порывом лёгкого ветерка) из открытого окна, но стоит признать, сам шанс на такое «гренауйское чутьё»³ равняется всё же закономерному нулю, и только самовнушение – эта необузданная стихия, сидящая в умах от мала до велика, – не позволяет списывать подобную деталь со счетов.

Гость не без удовольствия втягивает аромат своих фантазий. Дежурная машина маневрирует по дорожному лабиринту заведения, направляясь напрямиком к приёмному покою.

³ Подразумевается протагонист романа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы», впервые опубликованного в 1985 году. Центральный герой произведения Жан-Батист Гренауй с самого детства обладал феноменальным нюхом.

Находясь в салоне, невозможно полностью оценить внешний вид здания, но Рафаэль отнюдь не новичок. Уж этот господин успел и в прочие разы насладиться экстерьером. Он закрывает глаза. Пустая сцена с нейтральным фоном начинает заполняться воспоминаниями. Сначала рисуются прямые по горизонтали, за ними следуют вертикали. Показывается вытянутая вширь коробка высотой в четыре этажа. Лицевой фасад красится в тёмное стекло с отблесками от софитов. Еле заметная металлоконструкция меж современной панорамой очерчивается тонкой сеткой. С боку достраивается параллелепипед, у которого имеются маленькие окошки. Первый этаж заходит вглубь за общие габариты, образуя нависание. Совокупность перечисленных свойств отсылает зрителя к Баухаусу⁴, создавая реминисценцию, без которой можно было и обойтись, но тогда бы наш герой оказался в недостаточно определённом пространстве, а это привело бы к нарушению фундаментального закона единства формы и содержания.

Мотор затихает. Орлиный нос дёргает сдвижную дверь. Мягколицый выходит первым. Рафаэль выбирается на свежий воздух следом. За спиной, с водительского места, до ушей доносится скрежет рации. Чёрт знает, как живые вообще приспособливают свой слух, сплошная мистика. По вздо-

⁴ Баухаус – государственная высшая школа строительства и формообразования, существовавшая в Германии с 1919 по 1933 год. Стиль Баухаус исходит из идеи о том, что в пространстве всё должно быть простым, современным и функциональным.

ху орлиного носа становится понятно: покоя этой ночью не видать. Его тихий голос обращается к напарнику:

– Один справишься?

– Непременно. – Мягкое лицо переводит внимание на клиента. – Вы ведь не станете брыкаться?

– Ни в коем разе.

– Пойдёмте тогда, нас заждались. – Сопровождающий подставляет свой палец к панели электронного замка.

Рафаэль переступает порог лечебного учреждения, где холодный яркий свет создаёт иллюзию дня, оставляя сумеречный пейзаж остальным жителям, мирно видящим сны в своих уютных кроватях.

Некоторое разочарование от интерьера у искушенного зрителя может быть связано с эклектичностью, которая без предварительных ласк грубо бросается в глаза. Экстерьер, как было описано выше, имеет понятные особенности, сочетая в себе спокойствие с неким подобием уюта. Внутренние же органы пестрят стандартами, соблюдать кои обязаны все казённые заведения. О чём говорить, если, к примеру, те же частные клиники могут поиграться только с ресепшеном, разместив кожаный диван на манер английского «Оливера». В остальном дирекция строго следует букве инспекционного закона.

В холле прибывших встречает молодая сотрудница, мирно клюющая носом, то и дело вздрагивающая при любом шорохе. Она приветствует коллегу, называя его по имени Радя.

Санитар ладонью прокладывает страждущему путь до скамьи, предлагая дождаться оформления. Сам же располагает у стойки, вступая с коллегой в перешептывание.

Рафаэль повинуется. Для внешнего феномена-зрителя данная фигура может представиться памятником умиротворению, застывшая в удобной позе для непродолжительного сна. В голове же разворачивается конфликт. Точнее, последнее воспоминание, связывающее Его с Ней. Вот жена мечется по комнате, собирая в дорожную сумку вещи. Глаза её тщательно избегают мужа. Он ничего ей не говорит, только взирает с ноткой безумия, словно вот-вот сорвётся, но этого не происходит. Рафаэль никогда не умел выплёскивать чувства, поэтому в воспоминаниях ему остаётся комфортная роль побитой собаки, что держится на расстоянии от хозяйна-садиста, но не уходит ввиду их деконструктивной дружбы.

Анна. Как красиво её лицо. Безупречные черты, лишённые косметики, разве только губы слегка подчёркнуты бледно-алой помадой. Стройное тело с белесой кожей. У неё сложился пречудеснейший характер! Самодостаточная, не позволяющая собою помыкать. Настоящая женщина из плоти и крови.

Сейчас, в реконструкции, она видится ещё очаровательней. Долгий период жизни без её физического присутствия оставил отпечаток беспомощности, подарив сознанию возможность самостоятельно заполнить недостающие детали. Ра-

фаэль нарочито приписывает бывшей жене чрезмерную жестокость. «Жертвой быть проще, чем признать собственные ошибки», – заявил ему доктор ещё в первое посещение. Законное утверждение, но это «проще» бывает жизненно необходимым, иначе не справиться, можно снова сорваться в бездну, и кто знает, не бесповоротно ли?

Небольшой пробел, и вот Анна уже тащит пожитки к входной двери. Её русые волосы нервно выплясывают кулебяки, подчиняясь резкому шагу. Пёс плетётся следом, поджимая хвост. Его хозяйка натягивает кроссовки. В последний раз она смотрит на своё отражение, поправляя спутавшиеся локоны. Наконец взгляд её фокусируется на муже. Примечательная деталь заключается в этом зрительном контакте, который занимает у Анны продолжительное время. Дворняжке кажется, будто пристальность мучителя призывает бедолагу к каким-то действиям. Мелькает мысль, что эта женщина полагается на резкость ситуации в надежде на то, что питомец превратится в оборотня, показав, наконец, качества, так нужные ей. Он же хоть и понимает тонкость ситуации, но остаётся неподвижным. Коннект резко обрывается. Анна потеряна навсегда. Её хрупкий, нагруженный сумками силуэт исчезает за металлической дверью, которая в последний раз раздаётся громовым ударом – так сильно хозяйка зла на своего подчинённого.

Рафаэль открывает миру влажные глаза. Перед ним возвышается девушка с ресепшена. В руках она держит ком-

пактный паспортный терминал для стандартной процедуры идентификации личности. Мужчина разворачивает левую руку тыльной стороной, предоставляя возможность считать код. Пока сотрудница бесшумно настучивает пальцами по дисплею, новоприбывший находит конвоира курящим на крыльце.

– Рафаэль 14831520?

– Он самый.

– Добро пожаловать в реабилитационную клинику имени Казимира.

– Благодарю.

– Время позднее, врач сможет принять только завтра днём. Сейчас вас отведут в палату, где вы сможете отдохнуть.

– Звучит отлично.

Хостес идёт за своё рабочее место. К этому моменту с перекура возвращается Родион. В приёмной начинает разить махоркой, имеющей, в отличие от своих качественных собратьев, характерный аромат застоявшейся гари.

– Поднимайтесь, уважаемый, провожу до ваших покоев.

Визитёр боится оказаться в корпусе для буйных, учитывая прошлые намёки врача на то, что повторяющиеся случаи агрессии способствуют переводу голубчиков на новый уровень борьбы с недугом, но когда сопровождающий нажимает кнопку четвёртого этажа, от сердца моментально отлегает.

Тусклый коридор. За стойкой в середине «кишки» мирно дремлет дежурная, а по бокам натыканы узкие проёмы.

Чётные комнаты по левую руку имеют небольшие, но вполне симпатичные окна, а вот в нечётных установлены лишь имитационные экраны. Подобной странности удивляться не стоит. Всеми виной непродуманное зонирование архитектором, которому пришлось в спешке выполнять выигранный тендер.

Когда тени равняются с дежурной стойкой, санитар самостоятельно оформляет приём в регистрационном компьютере, избавляя медсестру от вынужденного пробуждения.

Номер тридцать четыре. В застоявшемся безмолвии раздаётся щёлк отворившейся двери. Оставшись наедине с собой в этом пусть скромном, но убранстве, Рафаэль чувствует покорность ночи. В один миг его тело становится тяжёлым. Тревоги уходят. Он игнорирует больничную форму, которая лежит у подножья кровати. Сил хватает только на то, чтобы содрать с себя обувь, распахнуть шире створку, а после уподобиться оползню, приятно соприкоснувшись с пружинистой поверхностью. Пациент не позволяет себе моментально уснуть. Хочется ещё немного насладиться этим состоянием; этим предвкушением долгожданного отдыха. Уже сквозь поволоку до его ушей доносится голос, декламирующий неизвестные строки:

Конец рокировки, начало посадки,
смерзаются в хлопья ночные осадки,
на доски закуской льётся какао —

коробочка спичек с анализом кала.

Ах, вольному воля – отныне хоть пой ты,
хоть слушайся, если положено, старших.

По снегу летят длиннополые польта
сперва отстающих, а позже отставших⁵.

Утро в подобных местах всегда наполнено необъяснимым спокойствием. Словно попадаешь в родительский дом: мама проснулась пораньше, стоит у плиты в переднике, стряпая завтрак, а отец сидит с газетой в руках, похлёбывая кофе. И никуда, а самое главное, незачем торопиться. Скучные обязанности взрослого на время оставляют в покое. Можно лежать с закрытыми глазами, пытаюсь вспомнить сон, затем лениво перекатиться на другой бок. Косые линии солнечных лучей удачно промахнутся, не задев лица, только ноги приятно нагреются, а комната преобразится в завораживающий калейдоскоп.

Рафаэль всё ещё хранит видение. Перед ним открывался край света, походивший на неудачную работу начинающего художника-сюрреалиста. Угловатый берег застлала трава, отдавая холодными оттенками, точно наступила поздняя осень, а за чертой этих грубых лезвий бушевал океан. Он

⁵ Отрывок из стихотворения Евгения Анатольевича Хорвата (1961–1993), русского поэта, затем немецкого художника. Из сборника «Раскатный слепок лица: Стихи, проза, письма». – М.: Культурный слой (Издатель В.И. Орлов), 2005. – страница 242

также помнил о своей неизвестной спутнице, чей лик скрывался подобием башлыка. Последующим кадром из ниоткуда выросла фигура старухи, которая взяла девушку под руку и со словами: «Сейчас начнётся отлив», ступила вместе с ней за пределы суши. Под их ногами вода начала расступаться, будто шли эти силуэты на гору Синай⁶.

В дверь учтиво стучат. Показывается белокурая головка медсестры. Губы её горят вызывающим красным, подобно особам с плакатов семидесятых годов позапрошлого века. Подопечный не видел лица ночной дежурной, но запомнил тёмный оттенок волос. Значит, утренняя смена, хотя рокировка по плану совершается после обеда. На бейджике игривым шрифтом со знакомыми завитушками красуется имя *Лили*, а чуть ниже рябит неразборчивая надпись с указанной должностью.

– Доброе утро. Начинается...

– Завтрак. Благодарю. Здравствуйте, Лили.

– Вы прибыли ночью, моя сменщица не успела вас проинструктировать, вот я и решила зайти.

– Боюсь, инструктаж для меня излишен. Я тут... погодите, шестой раз? – Рафаэль сжимает в руках больничную одежду, усердно изучая ворот хирургички.

– Сейчас. – Лили утыкается в экран. – Тринадцатый.

⁶ Гора в Египте на Синайском полуострове. Согласно Библии, на этой горе Бог явился Моисею и дал десять заповедей. Почитание нынешней горы Моисея как горы Синай является древней христианской традицией, восходящей к IV веку.

– М?

– Я говорю, вам наставления действительно за ненадобностью. Больше не смею отвлекать. Как переоденетесь...

– Погодите. Я хоть и знаю ответ, но всё же... Это обязательно надевать? – Мужчина с вялым видом приподнимает сложенный квадрат робы.

– Правила клиники не изменились.

– И ещё вопрос: ваш внешний вид...

– А что не так с моим внешним видом?

– Вы выглядите кинематографично.

– Какой вы внимательный, но где вопрос?

– Вы начинающая актриса?

– Скажем так, работаю на полставки. Вроде небольшого театра... С утра на улицах пробки, не успела смыть макияж. Вот вы меня отпустите, и я тут же займусь упущением.

Визуально столовая ничуть не поменялась, только разве маляры обновили краску стен. Зато рацион значительно расширился. Теперь на завтрак можно взять не только овсянку на молоке или собрать полезные бутерброды из обиходных овощей, но и ухватить кусок курицы с макаронами да лёгкий суп с галушками. Нынешнее кушанье способно соперничать с щедрым бранчем. Также на стойке с напитками появился кофе разного помола.

Рафаэль варганит стандартный набор. На отдельный поднос накладывает кашу с двумя кусочками хлеба, а в круж-

ке химичит порошок арабик с сахаром, отказавшись от приевшегося чая. Пока его пищеварительная система принимает дары, память воскрешает образ произведения одной из выпускниц художественной академии. Каждый год наш условно окрещённый протагонист приглашается школьным другом Феодором на защиту дипломов. Последний занимает в заведении должность завхоза, пользуясь по выходным благами мастерских в личных творческих целях. Также он эксплуатирует негласное право приглашать людей на различные мероприятия, к примеру, на сезонные просмотры и, в частности, на closed performances. На одном из таких закрытых показов была представлена работа неказистой девчушки. Височные доли не подкидывают её имени, но отчётливо выдают номер выступления – одиннадцать. Холст представлял из себя полотно два на два метра, сюжетом отсылая зрителя к «Тайной вечере».

Двенадцать деформированных веток беспорядочно раскинулись на плоскости, подражая щепкам от ствола, в который попала карающая молния. Фон заполнен муравьей после дождя. Где-то между листьев торчат края капиталистической валюты, а на дальнем плане маячит обгоревший огрызок некогда навьего дерева с распростёртыми отростками. Вот и сейчас Рафаэль наблюдает за дюжиной тел, собравшихся за столом впереди. Завсегдатаи общаются наперебой, из-за чего нарушается симметрия классицизма, выражающаяся в телесных поворотах. Седой дядька с плешью жонгли-

рует локтями, активно втолковывая собеседнику очередную чепуху. Женщина, сидящая за слушающим, общается сразу с тремя тётками, которые изредка вплетают в её тихую исповедь замечания. И если первую группу завтракающих можно представить буквой А из словаря азбуки Морзе, то следующий нервный юноша, торчащий чуть поодаль от остальных (но на одной с ними линии), выглядит как Е⁷. Оставшаяся пятёрка расположилась спиной, с небольшим смещением от противоположной связки в правую сторону, занимаясь менее энергичными обсуждениями, но сохраняя композиционный разброс. Эта живая картина, конечно, не вписывается в обрисованные квадратные метры, формат ближе к оригиналу эпохи Возрождения, но схожесть с современником налицо. «И как бы прогресс ни уходил далеко вперёд – ограниченность сюжетов, над которыми размышляет человек, навсегда останется таковой. Меняются лишь материал да сторона подхода к вопросу, не более», – думает наш герой, заталкивая последнюю ложку в рот и, не дожидаясь, пока пища окажется в желудке, затапливает её остатками кофе, создавая во рту кашу.

Утренней прогулке был дан решительный отказ в пользу дуракаваляния на койке. Из тумбочки извлекается небольшой смарт-пульт. В папке *Библиотека Рафаэль* выбирает за-

⁷ В азбуке Морзе кодирование происходит за счёт последовательности сигналов длинных (тире) и коротких (точек). Буква А обозначается с помощью точки и тире. Буква Е – один короткий сигнал (точка).

слушанную до дыр аудиокнигу. Прокуренный женский голос начинает вещать:

Как часто я выходила замуж! И всё время неудача. Моим самым первым мужем стал цирковой клоун. После скоропечного развода он получил маленькую комнатушку, а мне достался его сын от предыдущих отношений. Следующий мужчина мечты был рыбаком. После развода ему досталась моя машина, мне же дворовая собачка по кличке Шапик. Третьему горе-мужу перешла коллекция марок, я же смогла отобрать кошку Василису с её детками. Четвертый брак принёс мне девочку Полину. Мой сыночек был очень недо-волен:

– Ну ладно хотя бы шавку подсунули!..

Больше я пока не впутывалась в истории. Планировала ещё раза два-три-четыре, но экс-супруги отговорили. Кандидаты как-то не пришлись ко двору. А «двор» у нас внушительный: все бывшие, их жены, отпрыски, бывшие мужья жен... Было время, когда не получалось объяснить нашим деткам, почему папа Саши, к примеру, женат на маме Катеньки и кем же им приходится Алёшенька... Поэтому, посоветовавшись, мы пресекли лишние вопросы, заявив им, что мы все дядьки и тётки, а они – племяши.

Каждый раз наш смельчак запускает этот бульварный роман из древней подборки, но не по причине большого интере-

са и не вследствие отсутствия вкуса, который мог бы спокойно существовать без лишнего осуждения со стороны. Просто это была некогда первая ненамеренно включенная запись, под которую уставший от рутины мужчина беспрепятственно погрузился в сладкую дымку. А после, отбросив мысли о бытовом захламлении, отправился в удивительное путешествие по миру сновидческих грёз – царству бессознательно-го. С тех пор случайный акт эстетического вандализма пере-квалифицировался в традицию.

Существуем мы теперь с Марсом, его женой Маруськой, кисой Василисой, серой крысой Фомой в необъятной квартире с пугающими коридорами.

Жить бы нам спокойно в свеженьких комнатах, но тут-то и случилась эта непредсказуемая поездка за бугор...

Ощущается до боли знакомый вакуум. Никаких конструкций бытия. Только маски увиденных когда-то людей да сокрытые фрагменты фигур, хаотично всплывающие кружевом. Возникает карусель со зверюшками. Их морды переплывают на детские тельца, что занимают свободные места на аттракционе. Выражения становятся ехиднее. Разносится нездоровый смех. Пустопорожняя среда заполняется пчелиными сотами, которые, в свою очередь, обрастают пластмассовыми стеклопакетами. Контур каждого видимого предмета прочерчивается неоновой нитью. На сознание падает кра-

сивый свет, намекающий на фотографии ночного Токио.

В фокус врывается самурай в традиционном камисимо. В руках его идеально наточенная катана. Протома неожиданно покидает туловище. Неведомая сила разрубает устоявшийся образ, оставляя смердящую плоть.

Два ангела, сошедшие с пачки дешевых конфет, уносят вымоченное в крови тело. Для крошечных ручек такая туша – непосильная ноша, поэтому вестники скидывают груз в ближайшую урну. В райские сады не вознести раменá. Только меч павшего забирает один из крылатых.

Лицо Анны перекрывает зримый кусок пространства. Из дыры доносится «тук-тук». Сейчас она напоминает дятла за работой. После паузы рот опять открывается, но теперь из него звучит мужское хмыканье. Несоответствие возлюбленной внешности с тембром голоса вызывает тревогу. «Рафаэль... Рафаэль», – эхом отзывается в черепной коробке. Голова оказывается в бочке с водой. Следует панический рывок.

– Крепко, однако, спит. Бедолага недурственно покуролесил прошедшей ночью. Во сколько, говорите, привезли?

– Не так уж сильно куролесил.

Заведующий игриво поглядывает на сопровождающую его Лили, затем снова концентрируется на пациенте.

– Подслушиваете? Доброго вам.

– Здравствуйте, Саба.

Шестидесятилетний широкоплечий врач кивает с пьеде-

стала собственного роста, который достигает почти двух метров.

– Можете идти, дорогуша, дальше я сам, – молвит скала медсестре, готовясь сесть на край койки. – Позвольте?

– Настаиваю.

Доктор пытается приземлиться как можно мягче. Вопреки его стараниям, податливые пружины прогибаются под могучим весом, провоцируя волну, подбрасывающую своего возлежанца.

– Так-так. – Саба утыкается в планшет, изучает карточку своего знакомого.

– И как я там?

– В каком смысле?

– Бюрократическом.

– Шутите? Хороший знак. Что-что, а чудного словца у вас не отнять. Помнится, в последнюю нашу встречу мы многое смогли прояснить.

– Было дело.

– И вроде вам «открылись глаза».

– Запомятовал.

– Это буквально цитата.

– Не разглядеть за навесом...

– Уж постарайтесь. Хотя бы ради нашей дружбы.

– Каюсь, виновен.

– Вы утверждали, что смогли отпустить ситуацию; что вас она больше не задевает. Отпустить, Рафаэль. Помните?

– Угу.

– Тогда зачем вновь ухватились за призрака прошлого Рождества⁸?

– Намекаете на Анну...

– Нет, жена не призрак. Она причина, по которой вы вызываете к добровольной общественной анафеме.

– Вот оно...

– А разве сами не наблюдаете?

– Можно спросить, с чего вы вообще взяли, словно инцидент произошёл непосредственно из-за неё?

– Вы сами назвали её имя двумя предложениями ранее. Давайте не будем играть в старые добрые прятки. Мне казалось, это пройденный этап.

– Ловко придумано...

– Моя работа.

– Поставлю вам пять звёзд в приложении.

– Только обещаете. Можно ли вообще доверять вашим ответам из разряда «я осознал», «я принял», «мне кажется, я могу двигаться дальше»? Расскажите мне о ночном происшествии.

⁸ Вымышленный персонаж из произведения 1843 года «Рождественская история» английского романиста Чарльза Диккенса. Призрак прошлого Рождества – первый из трёх духов (после посещения Джейкобом Марли, его бывшим деловым партнёром), преследующий Эбенезера Скруджа. Ангельский и заботливый дух показывает Скруджу сцены из его прошлого, произошедшие на Рождество или около него, чтобы продемонстрировать ему необходимость изменения своего образа жизни.

– Ну, пошумел немного...

– А в голове?

– Ничего такого, не знаю. Психанул. Средний возраст, сами знаете.

– Рафаэль, как я могу помочь, если вы уподобляетесь ребёнку? Мы оба с вами знаем, дело тут не в возрастных изменениях и не в «психанул». Из раза в раз ваши вспышки гнева становятся отчаяннее.

– А по мне так стабильно обычные.

– Я читал отчёт.

– Санитар наплёл, что я сопротивлялся, пытаюсь откусить ему ухо, а вокруг моего рта бурлила пена? Боже, этот старичок совсем сошёл с ума...

– Если бы ваша фантазия насчёт себя была правдой, то вы бы тут не сидели сейчас со мной в дружеской обстановке. А вот состояние квартиры, которая превратилась...

– Разве это не личное право каждого?

– На погром?

– Именно. С каких пор я должен отчитываться перед кем-то за свои же сломанные вещи?

– Дело не в вещах. Бог бы с этим столом, который вы истыкали кухонным ножом, а тем более чёрт бы побрал обои, исписанные грязными выражениями, – переклеить их не так дорого. Дело в том, что вы несчастны. Понимаете? Вы потеряли равновесие. Сами отравляете себя вечными терзаниями из-за вымыслов. И не пытайтесь убедить меня в обрат-

ном! Сами подумайте, к чему идёте, игнорируя лечение. Мы ведь с вами по-хорошему пытаемся. Сколько раз я врал ради вас в отчётах? Двенадцать! И каждый раз вы кормите меня обещаниями. Ей-богу, как маленький ребёнок врёте, а затем снова оказываетесь в этих стенах. Очень скоро нас заподозрят в корыстном сговоре. И что тогда? Меня уволят, а вас упекут куда подальше. Вы этого хотите?

Свою тираду Саба говорил с чувством, перейдя с нейтрально-профессионального тона на доверительно-дружеский.

– Простите, я подвёл вас...

– Прощаю, но вы так и не ответили на вопрос.

– Я не хочу, чтобы вас уволили, а меня поместили в ПБ-СТИН⁹.

– Я жду ответа на другой.

– Не понял.

– Что на момент приступа было у вас на уме?

Пациент обмякает.

– Я читал теоретические труды по точке и линии на плоскости. Немного выпил.

– Дальше.

– Я услышал, как соседка сверху пожелала добрых снов своему ребёнку. Ночью через тонкие стены слышен каждый шорох. Потом голос начал игриво перекликаться с мужским,

⁹ Психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением.

затем послышался щелчок выключателя, и настала абсолютная тишина. Я вроде ощутил её в полной мере. Знаете, когда рано утром нужно в аэропорт. Выходишь в темноту, а вокруг ни единой души. Ничего ужасного, но когда ты одинок в родных стенах, то в какой-то момент становится не по себе. Мозг стал цепляться за воспоминания, в которых у него была компания в образе другого мозга, сидящего в красивом куске мяса с шелковистой кожей... Помню отупляющую ярость. Я отдался коварной стихии, перестав сдерживать её на привязи, иначе нет мочи! А к приезду спецов уже лежал обессиленный. *Finita la commedia.*

– Не боитесь однажды сорваться среди толпы?

– Не думаю. Скромность не позволит.

– Предлагаете мне в очередной раз поставить вам капельницу с витаминами, поговорить час, после чего уверовать в ложь про «больше этого не повторится»?

– Я действительно запутался в своих чувствах. Нет. Умом всё понимаю, но есть внутри силы, которые не подчиняются логике. В свою защиту хочу сказать, сумасшедшим себя не считаю. И если надумаете отправить меня в дурку, то знайте, что отсылаете невинного!

– У вас примитивное отношение к психиатрии.

– Просто стилизация. Ясное дело, я не... Ну, вы поняли. Разговор у нас немного не клеится, да?

– Есть такое.

– Меня не отпустят?

– Послушайте, я не собираюсь применять радикальные меры, Рафаэль, – вы хороший человек. Но закрывать в очередной раз глаза нельзя, понимаете? Вы опасны в первую очередь для самого себя. Сегодня уродуете личные вещи, а завтра собственную физиономию. Вы встали на страшную дорогу саморазрушения.

– Каждый рождённый обречён на такой путь.

– Ой, давайте без философии, пожалуйста.

– ...

– ...

– Предлагаете лечь в диспансер?

– Не совсем. Есть одно... А впрочем, если вы решили так скоро подводить черту нашей беседе, то я оговорюсь о варианте, который, как мне кажется, отлично подойдёт для вашего недуга.

– Заинтриговали!

– И тут вы совершенно правы.

– Неужели?

– Ещё как! И поверьте, моя совесть за принятое решение останется чиста. Скажу больше, если согласитесь (а я надеюсь на ваше благоразумие), то я буду даже немного гордиться собой за то, что смог достать этот «золотой билет».

– Золотой билет... – иронично хмыкает Рафаэль. – Скажите, это хотя бы стоящий каламбур или чисто для красного словца?

– Самый что ни есть точный каламбур, но подробнее об-

судим после обеда.

– Звучит устрашающе.

– И только после того, как подпишете документ о неразглашении.

– А теперь захотелось в уборную.

СОН РАФАЭЛЯ ПОСЛЕ ПРОСЛУШИВАНИЯ АУДИОКНИГИ, В КОТОРОМ ОБЕЗЬЯНА ПИШЕТ РАССКАЗ НА ПЕЧАТНОЙ МАШИНКЕ В ЧЕТЫРЁХ ЧАСТЯХ

Изначально фрагмент существовал для высмеивания бульварной литературы. Смысловая нагрузка частей была

распределена следующим образом:

I Ч. Случайный набор букв и цифр.

Пример. Аврорвыр вылаовлыр аовыргфнщпгв аршгр-
фагв аа шгвфр гавфр гшрвф грва гвф гаврг гвф ыва шв-
фраг фрг аврфш врг рврафщшвхфщшоавшфщшхарфгпау-
рауцшащущйцуан267890ц вашравыша ацуц0х г90г рцгар
93г 2оа2га09г 82ра х2о хшуоцщц фруазшг гар ао 8

II Ч. Появление точек, запятых, вопросительных знаков
и прямой речи.

Пример. ЩЩащш цщщуцура шщавщшыахущ щ ышпо
ошьышщх рпщщщ, оц лпщкщщ шрщщ р, поцрпшг рущц у,
ущщщурц, ыщпуцщщпш и уцпрщущш.

– Тошкщп щщопцзозщущ?

– ЩОыпдцодлпцо!

III Ч. Добавление слов и абзацев.

Пример. Значит, стоит поукпзк озац, оказавшись арцуш
ощщщ оуцу с ним. Почувствовать купош зщк лщзо щшо,
как он мукщшп озщук, и тогда, может, арщщцао шщуцоашц
цорагуцщауцщшрш, оказавшись на оцоашруцл йоашущцмз.

Первым делом она взялась за телефонную трубку, чтосб-
цуша ргауцоцшарцу аоуцшщашц оцшгсшоцацоуцша щшо-
ауцх, ведь именно ауцшгауцзща оргц ргуцуцшар ошрауцза
зщ, снова ощущая жар в самой интималуцшауц зоне своего

ущацрга ацргазщ ущш.

IV Ч. Полноценный фрагмент-пародия, в который вплелось сознание обезьяны.

Пример. Вот так мы все получили билет из вольера.

– Не думай о бананах, – радовалась Машка. – Я всё оплачу! Займи бананы на дорогу. Вези всех, собак тоже. Ламинат обожает животных.

При редактировании финального варианта пришлось избавиться от данного отрывка по нижеизложенным причинам:

– Он никак не влияет на сюжет.

– Некоторые люди могут догадаться, над чьим произведением я решил посмеяться, а обижать автора – значит плевать и в свой огород.

– Страх перед возможными судебными тяжбами.

– Сострадание к читателю, которому и так несладко.

ОПРОС

1. Можно ли судить о книге по первой главе?

А) Конечно

Б) Надо почитать дальше

В) Затрудняюсь ответить

2. Как вам вступительная глава?

- А) Ничего непонятно
- Б) Откровенно слабо
- В) Не откровенно слабо

3. Понятно ли из повествования, что у ГГ диссоциативное расстройство идентичности?

- А) Можно догадаться
- Б) ГГ вылитый я
- В) Не особо

4. Догадались ли вы, что данный приём опроса позаимствован у Доналда Бартелми из романа «Белоснежка»?

- А) Верни интеллектуальную собственность, вор
- Б) Я такое не читаю
- В) Большая красивая брюнетка...

5. Чего вы ждёте от произведения?

- А) Веселья
- Б) Откровения
- В) Ничего

6. Как вам закинутая удочка в виде надписи на футболке?

- А) Интригует
- Б) Не интригует
- В) Не твоего ума дело

7. Стоит ли следующий роман написать азбукой Морзе?

А) Непременно

Б) Ещё бы

В) Гениальная идея

Прекламная пауза ∞

ОБЩИЙ ПЛАН

Атлетичный юноша в шелковом хитоне небесного цвета с отважно напряженной мышцей гордеца держит перед собой тушку ветхого старика, распластавшегося без надежды когда-либо вдохнуть свежего воздуха, и только еле уловимый стон, символ немощности, возвещает, что это не хладное тело, а только готовящееся отойти.

– Держись, отец.

Умиравший никак не реагирует.

КРУПНЫЙ ПЛАН

Камера плавно перемещается, останавливаясь на профиле героя, размещая его в кадре по пояс. Стальные ноги начинают разгоняться, по ощущениям достигая $1,079e+9$ км/ч.

Стилизованные пейзажи с молниеносной скоростью сменяют друг друга: просторы Байкала, бесконечная Сахара, Тель-Авив, Эйфелева башня, Мадагаскар, мелкий Нигер (а если точнее, то столица Ниамей), Чёрное море, Волга, Лас-Вегас – все они мелькают на фоне, оставаясь позади.

ОБЩИЙ ПЛАН

Камера заходит за широкую спину юноши, успевая на мгновение выцепить на лице лёгкую тень надежды. Перед

зрителями во всю мощь неоновое великолепие открывается исполинских размеров вывеска супермаркета «АМБРОЗИЯ 24».

КРУПНЫЙ ПЛАН

Храбрец уверенно заходит внутрь магазина, начиная искать пищу богов с необходимым эффектом исцеления.

– Старик, ещё минуту...

СРЕДНИЙ ПЛАН

Спаситель всматривается в бездыханный лик страдальца, понимая, что не успел.

– НEEEEEEEEEEEEEEЕТ! – кричит он в отчаянии, хоть это был и не его отец, а так, бродяга, но геройская честь задета, да и сердце, наполненное добром, в такие критические моменты не видит особой разницы, делая жертву близким к себе существом.

К юноше подбегает консультант. Тоже атлетичных размеров и в хитоне, только зелёного цвета из казённого материала.

– Ах, вот оно что! – восклицает он с наигранной жалостью. – Как же так получилось, голубчик?

– Не успел! Слишком долго бежал...

– Так нужно было не бежать, а воспользоваться доставкой!

КРУПНЫЙ ПЛАН НА СОТРУДНИКА

«„АМБРОЗИЯ 24“ – это круглосуточный гипермаркет не только с лучшей амброзией во всём Млечном Пути...»

На экране начинают мельтешить упаковки с разными вкусами: клубничная, ежевичная, свекольная, шоколадная, ванильная, диетическая, с жирком и прочая.

«...но также и с самой быстрой доставкой, которую не способен обогнать даже USS Enterprise (NCC-1701)¹⁰».

КРУПНЫЙ ПЛАН НА ОЖИВШЕМ, ГДЕ ФОНОМ СЛУЖИТ ДЕМОРАЛИЗОВАННАЯ ФИГУРА ЮНОШИ

– То есть я мог выжить?

Консультант:

– Непременно!

Дед в последний раз смотрит на своего «спасителя» осуждающим взглядом и театрально отдаёт Богу душу. Фон блёрится. На экране появляется логотип с **QR-кодом**.

ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС

Скачивайте наше приложение Ambrosia, регистрируйтесь и получите пятьсот золотых на первую покупку. ПЛЮС! Первые три заказа – бесплатно!

¹⁰ USS Enterprise (NCC-1701) – вымышленный звездолёт Звёздного флота класса «Конституция» из сериала «Звёздный путь: Оригинальный сериал».

ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА С ГОРЕ-СПАСАТЕЛЕМ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

«„АМБРОЗИЯ 24“. Оказывается, быть героем – так просто!»

ГЛАВА 2. ЭКСКУРСИЯ

Вот он я, сижу на заднем сиденье. Жду, когда «ворон» доставит состарившегося ребёнка в экспериментальный – как выразился сам доктор – санаторий. Документ о неразглашении подписан, а значит, молчание становится единственным верным союзником.

Шум города позади. Бетонные нагромождения приравняются нулю. Теперь вся древесная манипула¹¹ кажется выше. Отсутствие гигантских ульев в кадре даёт простор стволам и кронам, а линия горизонта не сбивает «чистую» вертикаль. Давненько я не выезжал за границы личного комфорта.

Несмотря на тревожность, которая лишь слегка обжигает грудь, чувство детской радости затягивает с головой. Без спроса вдавливаю указательным пальцем кнопку. Стекло дверцы с моей стороны опускается. Бросаю испуганный взгляд в салонное зеркало. Водительский прищур приобретает лукавую весёлость.

«Решили сбежать, сэр?»

«Сэр?»

«Да, это вы».

«Для этой страны звучит немного чужеродно. Не находите?»

«Так же, как и джентльмен».

¹¹ Пехота, входящая в легион древнеримской армии.

«Верно».

«Но ведь вы джентльмен».

«Отчего же?»

«Вы мне таким видите. А что до иностранных слов, в нашем языке и так большое количество англицизмов, французизмов и арабизмов».

«Соглашусь, но всё равно странно».

«Элементарная вежливость».

«Наигранная».

«Ни в коем разе, скорее уставная».

«Я не собираюсь сбегать».

«Недавний вопрос был шуткой, сэр».

«Мне захотелось свежего воздуха».

«Да».

«Сэр».

«Да-да?»

«О, вы тоже сэр?»

«Разумеется».

На том и сошлись. Остаток дороги я посвятил жадному созерцанию матушки-природы.

Около двух часов понадобилось для преодоления витиеватой дороги, прежде чем служебная машина добралась до ворот, подражающих английскому стилю. Высокий металли-

ческий штaketник почти полностью перекрывает обзор на внутренний двор. Только кончик полигонального купола¹² на манер Санта-Мария-дель-Фьоре торчит невзначай, возбуждая фантазию.

Водитель въезжает на территорию, затем отвлекается от конечной цели на бюрократическую часть своих обязанностей. Пока он натывает комбинации на рабочих часах, пассажир изучает доступные с его ракурса достопримечательности.

Стеклянная шестигранная крыша впечатляет своей красотой, изящно впитывая швами золотистые лучи, но вот «коробка» повергает Рафаэля в чувство лёгкого отвращения. Топорная, выкрашенная хоть и в приятный, но не вяжущийся бежевый, она смахивает на солидного мужчину, нацепившего дамскую шляпу, да ещё и не своей эпохи. Подмеченный фрагмент становится только началом. Несуразный пристрой представляется бесформенным куском, который никоим образом нельзя вписать в понятие «архитектурный ансамбль». Так в обеденном домашнем супе можно увидеть короткую, но толстую макаронину, подплывшую почти вприпрыжку ко вполне аппетитной фрикадельке. Здание может похвастаться высотой в два этажа и обликом, не имеющим классических углов в девяносто градусов, что ещё отчётливее даёт схожести с итальянским достоянием. «Помни слова мамы, ты в гостях, нужно быть вежливым».

¹² Форма купола в разрезе по горизонтали имеет многоугольное очертание.

Автомобиль плавно трогается, огибая кольцевые развязки обширного участка, напичканные декоративными кустами в виде массивных сфер. Заметив определённый дискомфорт в лице своего подопечного, водитель бросает фразеологизм:

– Чувствуйте себя как дома, сэр.

– Боюсь, ваше начальство не обрадуется, если я вдруг решу воспользоваться этим джентльменским советом.

– Здесь терпеливые люди.

– До поры до времени.

– Вы так считаете?

– Зависит от заработной платы и прозрачности ведения бухгалтерии.

Машина останавливается перед центральным входом.

– Приехали.

– Благодарю. Поездка была, эм... – Рафаэль принимается выбирать из салона, протягивая своё «эммммммм». – Безаварийной.

– Спасибо на добром слове.

Никто не встречает Чарли Бакета, да и Виолетта с Верукой в компании Августуса¹³ не приехали. Второй сэр укатывает в неизвестном направлении, оставляя новобранца в полном, как ему кажется, одиночестве.

На удивление сквер оказывается симпатично обустроен-

¹³ Чарли Бакет, Виолетта Боригард, Верука Солт, Августус Глуп – выдуманные герои фильма «Чарли и шоколадная фабрика», поставленного Тимом Бертоном по одноименной повести Роальда Даля.

ным: хорошо уложенная брусчатка, летние столики, фонари на коротких опорах...

Вопреки сюжетной логике, Рафаэль решает пока не переступать порог своего нового, пусть и временного дома. Он усаживается на ближайший стул. Как полагается в такие моменты, рука незаметно, обходя мысли хозяина, тянется за сигаретой. Когда лёгкие выталкивают первую порцию дыма, новоявленный сэр очухивается, начиная виновато искать пепельницу, дабы соответствовать приобретённому (хоть и в шутку) статусу. Ближе к фильтру доносится неторопливое клацанье женских каблучков. Звук имеет глухие нотки, нежели чем от столбика или ковбойки, значит, большая вероятность, что приближающиеся ножки обуты в трапециевидный тип. Как хорошо мужчина может разбираться в подобных мелочах, обладая предрасположенностью, а может, и вовсе тайным желанием быть одним из видов этой чудесной детали обуви.

В дальней части сквера показывается классическая форма горничной, а через миг проявляются и черты лица, напоминающие своею скромностью ромашку. Курильщик воровато прячет бычок. Девушка молча садится рядом. Из кармана она достаёт миниатюрный сосуд и располагает его на середине стола.

– Это?.. – Тлеющий обрубок совестливо выныривает на свет.

– Да.

– Благодарю. Я уже и не знал, как избавляться от улики.

– Видимо, попытались бы найти мелкий зазор в стене.

– Не-е-ет...

– Как скажете.

– Можно ли узнать ваше имя?

– Мария.

– Вам не кажется, Мария, что с цифровизацией населения и обесфамиливанием люди стали будто бы чуть ближе друг к другу? Теперь при первой встрече они называют только имена. Но в то же время этот социальный ритуал воздвиг неприступную ледяную стену. Нас словно лишили семейного ордена, который добавлял нотки индивидуальности или, как говорили раньше, норова.

– Вы всегда так знакомитесь?

– Захотелось поддаться ежесекундному порыву.

– Первостепенный лёд, как вы выразились, успел появиться ещё на этапе жадности предводителей племён, стремившихся оградить своё нажитое добро. Вы окурок выкиньте, пожалуйста.

– Угу, продолжайте.

– Становится очевидным, что происхождение традиций, отличимые представления о высшем разуме, да и декоративные элементы в разных аспектах – всего лишь попытка жадного сознания прикарманить то, что по праву принадлежит природе, то есть всем существам.

– А как же невозможность первичной коммуникации пле-

мён из-за языкового барьера, агрессия ради выживания, прописанная самой жизнью?

– Не исключаю ваших доводов.

– Просто вы отнесли к «первостепенному льду» вещи, которые имеют место быть позже по хронологии.

– Да, я это сделала! – Мария рассмеялась. – Простите, я ведь ничего не смыслю в подобных темах.

– Зато как серьёзно отвечали, сплошное загляденье!

– Хотелось впечатлить гостя...

– И у вас получилось, учитывая, что зерно правды сокрыто в ваших словах.

– Сигаретой не угостите? Не успела взять свои, торопилась предотвратить мелкое хулиганство. Спасибо.

– Значит, следили за мной?

– Не совсем.

– Работаете здесь?

– Издеваетесь?

– Мало ли, вдруг вам нравится чёрный и белый, а в довершение вы можете питать слабость к униформе.

– ...

– Позвольте последний докучливый вопрос?

– Валяйте.

– Кто архитектор сего чуда?

– Вам не понравилось здание. Я угадала?

– Угадали.

– Вы не один такой. Есть в списке джентльмен... Предпо-

лагаю скорейшую вашу дружбу на почве отвращения.

– Отраднo слышать.

– А вот имени зодчего не знаю. Спросите лучше управляющего.

Классицизм. Запах свечек. Реверберация. Музей. Поталь. Невяжущаяся эклектика.

Ассоциации накрывают волной, жадно насыщая новыми впечатлениями. Слабость к архитектуре сродни слабости к книгам. Всё трогаешь взглядом, принохиваешься, заглядывая в потаённые уголки между строк. Внутренности разнятся с экстерьером. Обстановка перекликается с достоянием стран востока: расширенные подпружные арки и их звездообразные очертания в проекции, которые историки связывают с балканским влиянием. Но зачем всё это именно здесь?

Просторный зал с мраморной плиткой цвета слоновой кости под ногами. Расписанные образами стены, казалось бы, святых, но в то же время никто из них не воскресает в памяти. Получается пародия на светский уклад со вкусом бездуховного века. Раскиданные по краям стен орнаменты. Широкая лестница с бархатной обшивкой. Балюстрада и вовсе позолочена. В добавок ко всему – дикое дополнение в виде трёх прозрачных кубов, угрожающе застывших прямоком над головой. Удерживающую конструкцию с этого ракурса не видно, зато у ближайшего многогранника можно разглядеть предметы мебелировки в виде трёх огромных вытянутых

столов (квалифицирующиеся понятием *банкетные*) и утыканные к ним квадратики. Несколькими черточками обозначены ноги, одна пара коих шустро передвигается, обслуживая немногочисленных, судя по всему, обедающих. Ярусы, расположенные выше, детализировать не удаётся.

Мария ретируется, оставляя гостя на администратора. Ещё молодой пятидесятилетний человек в элегантном костюме с достоинством в походке спускается к Рафаэлю.

– Как упоительно видеть огонёк в глазах людей, впервые посетивших парадную заведения. – Мужчина останавливается на комфортном расстоянии вытянутой руки, смещая внимание новоприбывшего постояльца на свою безукоризненно изящную персону. – Здравствуйте, Рафаэль.

– Это вы верно подметили. Такое всё... блестящее. Что тут исповедуют?

– В стенах оздоровительного комплекса вы можете придерживаться любой, доступной вашему пониманию религии.

– К вам, уважаемый, как нынче обращаться?

Джентльмен учтиво указывает взглядом на левую часть своей груди, делая акцент на бейдже.

– Ага, Верг. Псевдоним?

– Сокращение от имени.

– Всё настолько плохо?

– Напротив. Человеку моей профессии зваться Вергилием¹⁴ больно пафосно.

¹⁴ Намёк на самого известного поэта Августовского века. Считается одним из

– Выглядите статно. Иностранец?

– Наполовину.

– Мать?

– Отец.

– ...

– Литературовед. Теперь, надеюсь, вы уразумели, откуда появился я.

– А что в этой стране забыли?

– Поначалу мать, которая после развода с моим импульсивным родителем уехала жить на родину, прихватив с собой дитя, а позже я уже забыл забывчивого отца.

– Разводы – вечно они такие.

– Ещё будут вопросы или мы можем приступить к намеченной экскурсии, которая поспособствует вашей скорейшей адаптации?

– Больше никаких.

– Тогда трогаемся!

Администратор срывается с цепи, но затем резко застывает на полушаге. Виноватая улыбка играет на лице. Его руки приподнимаются до уровня груди, как бы символически пытаясь охватить окружение. Голова задирается, взвешивая в уме слова.

– Как вы уже могли догадаться, мы находимся в центральном корпусе нашего чудесного заведения! Высокий потолок в стиле...

– Хайфлэт, – подсказывает Рафаэль.

– Благодарю. Высокий потолок в стиле хайфлэээт, – понятие экскурсовод растягивает нарочито странно. – Стены расписаны вручную модным художником под ником **@snickeringdog**. Каждый изображенный персонаж является отсылкой к...

– Святому.

– Верно! Прошу обратить внимание на минимальное «защитное» пространство, где прозрачность купола гарантирует гостям естественное освещение. Руководство совместно с архитектором решило сохранить мебельную невинность и нейтральность, воздвигнув лишь три помещения кубической формы, используя монолитный поликарбонат поколения G++.

– А почему ваш живописец не изобразил просто святых?

– Вероятнее всего, проблема бюрократического характера, но мне хочется думать, что таков замысел. Давайте переместимся на круг выше.

Летающей походкой Верг отстукивает пулемётный ритм, не пропуская ни одной ступени. Рафаэль, напротив, вышагивает внушительными отрезками. Со второго этажа становится понятно устройство кубических ваяний, наслоившихся друг над дружкой с небольшим смещением центра и соединённых общей цилиндрической трубой, незамеченной изначально за счёт прозрачности материала. Даже мостовая дорожка выполнена из поликарбоната. Фактически, для попа-

дания внутрь гексаэдра нужно сделать шаг в пустоту.

– Я так понимаю, акрофобы у вас голодают?

– Ну что вы, мы заказываем им пиццу на веранду.

– Конструкция точно надёжная?

– Будьте покойны, она выполнена по мировым стандартам качества.

– То-то и оно.

Усатый джентльмен никогда не боялся высоты, но сейчас, находясь в пасти несуразного великана и видя под ногами лишь призрачный намёк на твердь, он ощущает непривычную слабость. Первый «шрх» дрожащей левой ногой. Затем правой.

– Не так страшно, как думалось.

– У нас нет цели убить вас.

– Приятно слышать.

После десяти маленьких шагов для одного человека, но огромного скачка для Рафаэля, экскурсия перемещается в столовую. Словно чародей, сопровождающий всплывает с правой стороны от подопечного, изучая убранство трапезной, будто видит её в первый раз. Вблизи столы и прилегающие четвероногие губители осанки открываются с интересной стороны. Расположенные на манер тронной средневековой залы, они поражают гостя своей стеклянной «кожей».

– Посещение буфета свободное, хоть у нас имеется и общее расписание.

– Вот удумали...

– Ненормированные визиты доступны в случае договорённости с шеф-поваром. Оставляете ей список своих пожеланий на каждый день, и вуаля! Если вы этого не сделаете, то вам элементарно нечем будет угощаться. В общие часы подаётся стандартное меню. Завтрак начинается в 7:30 по местному времени, а заканчивается в 9:00. Обед с 14:30 до 16:00. Ужин с 20:00 и до победного. Запомнили?

– Будем надеяться.

– Обед уже прошел, зато не за горами очаровательный ужин. Идёмте дальше.

Две пары ног проплывают над пропастью, возвращаясь на лестничную площадку. Верг огибает закольцованный коридор. С противоположной стороны обнаруживается проход на следующий уровень.

Третий этаж ничем не отличается от второго. Только в утробе куба вместо закуской мужчин встречают нагромождения спортивных снарядов. Несколько фигур неоднородного телосложения активно пыhtят в разных концах зала.

– Ждёте особого приглашения? – спрашивает администратор.

– Я и отсюда прекрасно всё вижу. Хотя, если вы собираетесь поучать работе на каждом тренажере, показывая на собственном примере...

– Признаюсь, сэр, у меня нет особого желания бахвалиться своей техникой, если только в этом нет резкой необходимости. Приметили вон того молодого человека в сиреневой

майке? Это тренер, Вениамин.

– Не увлекаетесь спортом?

– Как и вы.

– Так сильно заметно?

– Выглядите хорошо, но на атлета не тянете. Рыбак рыбака, как говорится. Ну-с, в таком случае предлагаю подняться на финальный ярус, он-то вас должен заинтересовать.

Верхний гексаэдр разительно отличается от тандема. Песок, известняк и сода сошлись в реакции при температуре 1700 °С, чтобы столичный щёголь чуть удивлённо спросил:

– Зеркало?

– Не узнали себя в отражении?

– Признайтесь, на самом деле это проектировал душевно-больной?

– Как вы изменились в тоне.

– Просто мне некомфортно находиться в таком...

– Изобилии?

– Именно.

– Значит, задумка удалась.

– Извините?

– Разве вы ещё не поняли?

– Будьте любезны просветить.

– Нарочитая вычурность просто необходима для встряски субъекта. Неужели вы пожелали бы лежать в казённом санатории, где каждая деталь напоминает больницу? Не думаю. А тут словно попадаешь в странный сон... Разве не чудесно?

– Затрудняюсь ответить.

– А как смотрите на магию кино?

– В этом комичном пространстве вы крутите фильмы?

– Причём на любой вкус и цвет.

– Личный кинотеатр... недурно.

– Ознакомитесь? Там, насколько мне известно, сейчас крутят научную постановку «Пищевая цепь», которую включили по просьбе Лизаветы Павловны.

– Павловны?!

– Понимаю ваши чувства.

– Откуда у вашей Лизаветы появилось отчество?

– Ниоткуда оно у неё не появилось. Просто эта возрастная дама со своими причудами. У неё очередное обострение. Ходит тут, знаете ли, везде представляется Лизаветой Павловной. Мы против грубостей и принуждений, только в самых исключительных случаях. И ещё вот забавное: когда она попросила вписать её в гостевой лист с отчеством, то я сразу отказал, объяснив невозможность выполнить просьбу элементарным отсутствием колонки в анкете. «Отчеств больше нет», – уведомил я эту прелестную женщину, а она, в свою очередь, отняла мой рабочий планшет и в графу *имя* дописала слитно *Лизаветапавловна*. Ну не прелесть?

– Давайте глянем ваш зал. – На этот раз Рафаэль без приглашения рвётся в пропасть. Но посмотреть ему отнюдь хочется не на отрывок научного фильма с сомнительным названием, а на саму женщину.

Монохромный фрагмент ленты авангардом бросается в глаза. Яркое пятно смещено. Роль второй стены выполняет площадка со зрительными креслами, чей уровень стремительно опускается ближе к первому ряду. Мужчина ступает крадучись.

«Теперь, когда мы разобрались с вопросом непосредственной связи внешней энергии планеты с лично-внутренней, примемся за эксперимент», – говорит актёр в белом халате, пристально глядя в глазок камеры.

Рафаэль необдуманно занимает самое дорогое место, после чего ему приходится обернуться, чтобы удовлетворить перезревшее любопытство. В сердце зала восседает сухощавая маленькая женщина. На её голове пестрит соломенная шляпа с гигантскими бортами, глаза скрываются за солнцезащитными очками, а от руки поднимается изящная полоска сигаретного дыма. Похожая на цветок старушка выкрикивает:

– Оставайтесь, сейчас начнётся моя любимая часть!

На экране всё тот же господин в больничном одеянии. За его спиной на каталке лежит девушка, накрытая до подбородка покрывалом.

«Эта юная особа стала жертвой редкой болезни, которая изводила бедняжку долгие месяцы, вплоть до полного истощения. Сейчас, на её примере, мы попытаемся понять механизм последней вспышки сознания, и как эта вспышка позволяет нам прожить религиозные убеждения».

Кадр мутирует в допотопную рисовку. Тело мученицы становится наброском. Общий план сменяется абстрактной черепной коробкой, в которую аниматор дорисовывает светящуюся лампочку, а с конца цоколя появляется чёрная полоска на манер фитиля, запутанного хаотичной линией и протянутого вдоль всего тела. Кончик воспламеняется, начиная стремительно двигаться по лабиринту.

«В разные эпохи средняя продолжительность жизни менялась, увеличиваясь при развитии медицинского искусства. Опираясь на наш век, можно с полной уверенностью заявить: женский показатель как никогда высок. Но не стоит забывать о многочисленных аномалиях, случающихся постоянно. Генетика, злой рок, происшествия... Что угодно способно прервать жизнь. Нашей красавице не повезло».

Пламя – словно в ускоренной съёмке – пулей проносится понутри.

«Мы остановили разрушительный процесс за секунду до взрыва разума. Давайте же узнаем, какими убеждениями жила эта девочка».

Возникает фигура ведущего.

«Дорогая, ты меня слышишь?»

«Да, доктор».

«Сможешь ответить на несколько вопросов?»

«Смогу, если потом вы ответите на мои».

«Справедливо. Договорились».

Мордашка нарисованной Бетти озаряется скобочкой кон-

цами вверх.

«Итак, скажи мне, пожалуйста, ты веришь в Бога?»

«Верю. И вся моя семья полагается на Его милость».

«А веришь ли ты в рай и ад?»

«Конечно, ведь эти антонимы являются сознанием нашего создателя».

«Как считаешь, ты всегда поступала по совести? Не нарушала ли ты заповеди Божьи?»

«Да. Я ходила в церковь по воскресеньям, подавала нищим еды и немного денег».

«Спасибо за честность, малышка».

«Вы обещали разъяснить кое-что».

«Разумеется. Слушаю, дитя».

«Как вы думаете... Как вы думаете...»

Бетти умирает. На лице доктора всплывает скобочка с опущенными краями.

«Давайте детально рассмотрим механизм мгновения перед закулисьем».

Картинка с телом приближается. В коробке ещё горит лампочка, а край «негодующего» фитиля остаётся в микро-не от цоколя. Кадр оживает. Огонёк достигает цели. Колба разрывается на мириады частиц. Голос продолжает:

«Сейчас вы наблюдаете смерть мозга. Финальный вы-плеск адреналина буквально испепеляет серое и белое вещество. В эту зептосекунду происходит критический вы-брос имеющегося потенциала энергии, которым обладал ор-

ганизм. Для зрителя затухание длится миг. Конвульсия тела, и песенка спета. Но для нашей ныне уже загробной путешественницы всё выглядело иначе».

Реалистичный диктор приходит на смену графике.

«Благодаря современным датчикам измерения, учёные смогли отыскать ключ, приподнимающий завесу тайны. Информационно-обменные зоны определяются несколькими слоями, в которых распределяются функциональные обязанности. Самая нерасторопная отмечается конечной. Она же участвует в реализации самой работы. Проще говоря, перед тем как шевельнуть пальцем, мозг занимается серьёзными математическими вычислениями, после посылая необходимый сигнал руке. Отталкиваясь от закономерного умозаключения, мы подбираемся к выводу о непостижимой скорости электронов, которую до сегодняшнего дня нельзя было установить. Но теперь бельмо устранено. Видите ли, наше чувство времени повторяет апорию¹⁵ Зенона об Ахиллесе и черепахе¹⁶. На каждом этапе углубления темп увеличивается, за счёт чего увеличивается и восприятие ощущения стрелок. Возбудимая клетка нейрона содержит своё внутреннее строение, а оно своё. Получается, что на каждом уровне черепа-

¹⁵ Вымышленная, логически верная ситуация, которая не может существовать в реальности.

¹⁶ Одна из апорий Зенона Элейского. Быстроногий Ахиллес никогда не догонит черепаху, если та стартует раньше. Пока Ахиллес пробегает дистанцию до места черепахи, та проползает вперед. Когда он преодолевает это расстояние, она снова продвигается дальше – и так до бесконечности.

ха будет находиться впереди атлета. Из этого следует вывод: за долю секунды Бетти прожила целую вечность в прекрасном раю, в который она так верила. Подобное явление проявляется абсолютно у всех без исключения, например, атеисты...»

В последний раз Рафаэль бросает взгляд на Лизавету. Его тень взвивается с места. Верг поспешно ретируется хвостом. Сеанс окончен. Ближе к лестничному спуску администратор интересуется:

– Не нравится научпоп?

Постоялец, словно ошпаренный, скачет вниз.

– Снято безвкусно.

– Позвольте поинтересоваться?

– Валяйте.

– Куда вы так торопитесь?

– В уборную. А вы?

– Джентльменские комнаты имеются и на этом этаже. А бегу я за вами по причине нашей незавершенной экскурсии.

– Пожалуй, я немного погорячился, но на первом ведь тоже есть?

– Если я скажу «нет», вы сильно удивитесь?

– Очень. Вы буквально впечатлите меня.

– К сожалению, пока мне не удастся вас обескуражить.

– Всё ещё впереди.

– Зато могу показать точное расположение, ибо у нас нет безвкусных опознавательных знаков, по которым вы смогли

бы вычислить санузел самостоятельно.

Рафаэль шагает в сторону, давая сопровождающему пройти. На уровне партера под навесом слева обнаруживается стандартного размера дубовая дверь, смахивающая на вход в деловой кабинет. Нажимная позолоченная ручка легко поддаётся под напором администратора, пропуская страждущего.

– Со мной не пойдёте?

– А существует подобная нужда?

– Как-никак экскурсия. Вдруг вы специалист и в таких тонких материях.

– Попрошу не вписывать меня в рамки карикатурного зануды.

– Верг, вы не обиделись?

– На что конкретно?

– На мою дурашливость.

– Для меня главное – комфорт гостя. Остальное притерпится.

– Я ведь не издеваюсь над вами.

– Знаю.

– Просто шучу.

– И у вас получается.

– Я бываю несносным, понимаете?

– Это общечеловеческий фактор.

– То есть всё путём?

– Вы вроде спешили опорожниться.

– Действительно. Вы не уйдёте?

– Непременно дождусь вас.

Через две минуты и двадцать пять секунд парочка шагает нога к ноге, продолжая ознакомительную прогулку. Через двадцать метров Верг останавливается напротив двустворчатой двери.

– Сэр, – с хитрецей в тоне обращается администратор.

– Да-да.

– Не хотите угадать, что находится по ту сторону?

– Зачем?

– Видите ли, один из первых посетителей... Это был возрастной мужчина. Имени сказать не могу, личность известная. Не удивляйтесь, у нас отдыхают совершенно разношёрстные люди. Так вот, этот седовласый джентльмен, когда мы подошли сюда... знаете, на его лице заиграла давно забытая радость. Он словно превратился в мальчишку, с полным энтузиазмом заверещав: «А давайте, давайте я угадаю, что ждёт меня за дверью?» Отказать в столь незначительной просьбе я не был в состоянии хотя бы по причине возможного увольнения после такой неосмотрительной дерзости. – Управляющий хохотнул своей остроте.

– Ему удалось?

– О, я уверен, он точно знал о назначении этого помещения, но нарочно озвучивал самые безумные варианты, сильно веселя меня и себя, в частности. С тех пор я решил включить эту маленькую забаву в свою программу.

– Тогда пробуем? – Рафаэль задумывается. Спутник замирает в предвкушении. – Мне кажется, это ну очень большой туалет.

Верг прыскает смехом.

– Нет, но версия хорошая.

– Тогдаааа... там куча смиренных коек для провинившихся.

– Нет-нет, уважаемый!

– Может, тогда там банкетный зал? Много красивых столов, везде висят шелковые портьеры вишневого цвета. Ах да, и, само собой, ламбрекены¹⁷.

Администраторский задор пропадает по невидимому щелчку.

– Вы правы, сэр.

– Чёрт, простите, старина. Я и не думал...

– ...

– ... что в дурке будет... – Мужчина не успевает закончить мысль.

– Попрошу впредь не называть санаторий так, как это сделали вы!

– Но ведь...

– Решительно никаких но! Заведение предназначено для передышки, наслаждения и восстановления баланса ЗДО-

¹⁷ Портьера – дорогая штора на подкладке, выполненная из плотной ткани. Используется для декорирования интерьера комнаты, оконных, дверных проёмов. Ламбрекен – особый вид украшения портьер в виде драпировок.

РОВЫХ людей. – Управляющий сделался раздражительным. Не ожидавший такой реакции Рафаэль меняется в лице. – Примите искренние извинения за мой гонор. Поймите, тут люди различного склада ума. Есть ранимые персоны, взять ту же Лизавету Павловну. Вы ненароком можете кого-то обидеть или элементарно вывести из приподнятого настроения. Поэтому я вас слёзно прошу, не говорите про это чудесное место, как о особо привилегированной психушке.

– Нет проблем.

– Благодарю, mon chér.

Обе створки торжественно распахиваются. Джентльменов встречает стадо дубовых столов, невысокий подмосток в три средние ступени. Шелковые портьеры имеются, правда, отливают не фиолетовым, а классической киноварью. На стенах болтаются картины в позолоченных багетах. Гармонию «дворцовых декораций» нарушает плазменный экран за спиной сцены.

Ни с того ни с сего Рафаэль начинает активно маневрировать змейкой между столами, напоминая разбушевавшегося ребёнка. Он держит руки на уровне плеч, изображая самолёт.

– Давайте, дружище, пока никто не видит!

– Воздержусь.

Спокойным шагом нянька следует за сорванцом, внимательно наблюдая за каждым его движением.

– А тут какие-то праздники проходят, а? Или по вечерам

собираются господа, лицезреют на шаловливые танцы прекрасных ножек, а затем в тайной комнате перекидываются в покер? Если так, то я пас, не люблю вечеринки.

– Банкетный зал универсален в плане времяпрепровождения. А азартными играми вы вправе насладиться в любом доступном уголке.

– Нога заболела... – Импровизированный самолёт совершает посадку на ближайший стул. – А если я захочу у...

– Убивать нельзя, сэр, это табу. Если вы хотели сказать именно это. Вашей ноге полегчало? Могу размять.

– Не стоит, уже лучше. Сейчас пойдём. Так что здесь проводят на практике?

– В основном скромные рауты в честь новоприбывших или отбывающих восвояси. Иногда, эм, с общего согласия устраиваются балы. Но обычно народ предпочитает скапливаться в столовой, а в жаркую погоду – на свежем воздухе, лёжа на песке, понижая градус тела мороженым с фисташками.

– Пляж?

– О да, а ещё импровизированный лес.

– Так чего мы ждём? Вперёд! – Рафаэль возбуждённо подсакивает, ожидая от спутника подсказки, в какую сторону идти.

– С удовольствием, только для начала нам нужно закончить базовую экскурсию. Не переживайте, нас ждёт финальная остановка: двухэтажный жилой корпус.

Несмотря на архитектурную изобретательность, на проход из центрального здания в жилую часть автор оказался довольно скуп, не придумав ровным счётом ничего. Единственный путь лежит через улицу. И если летом это не создаёт никаких проблем, то зимой или в дождливую погоду отсутствие галерейного перехода становится ощутимым упущением.

Первый этаж. Коридор. Свет от идущего на убыль солнца подчёркивает кресты от смежных створок, фрагментарно выдёргивая золотисто-коричневые обои. Под ногами ковровое покрытие на несколько оттенков темнее.

– Номеров у вас не так чтобы много.

– Подклет отведён под оздоровительные процедуры. Нам на второй.

Верг делает четыре шага вперёд. Стена плавно разъезжается, обнажая квадратный метр, в котором прячется лифт класса мини.

– А лестница имеется?

– Само собой. Обе клетки находятся на противоположных концах передней.

– Как неудобно.

Кабина трогается, скрывая мужские фигуры. Створки стен возвращаются в исходное положение.

Второй этаж – копия первого, только в коридоре насажены апартаменты. На серебряной табличке ближайшей двери

написан номер двадцать пять.

– О достопочтенный проводник, дурного я могу не опасаться, ежели можно будет занять мне эту комнату.

– Увы, пусть, коль совру, адский жар ступни мои сожжёт, покои отданы мистеру Вану.

– Какие нынче имена пошли? Лицом ведь всё равно будет Иван.

– Этот джентльмен – уроженец Китая.

– Тогда передайте ему мои искренние извинения.

– Зачем? Ничего оскорбительного в вашем высказывании я не усмотрел.

– Азиаты легки на задетую честь... А вдруг он подслушивает?

Номер резко распахивается, заставляя мужчин подпрыгнуть. В проём выплывает низкая худощавая фигура.

– О-о-о, сир Вьйорге. Риад вас видеть в здравиии.

– Взаимно, сэр. Как ваш послеобеденный сон?

– Нэт-нэт. Ээээ, meditated.

– Медитировали?

– Даааааааа! – с радостью протягивает старик, искоса поглядывая на чужака.

Администратор спохватывается:

– Прошу любить и жаловать, наш новый гость: Рафаэль. – Проводник переводит внимание на своего Дуранте. – А это уважаемый Вану. Имя не склоняется.

Между постояльцами происходит ритуал обмена рукопо-

жатиями.

– Приятно познакомиться.

– Ой, а мне, а мне кьак. Дабральись холосшо?

– Вполне, благодарю.

– Я как раз показывал нашему новому другу расположение всех важных зон.

– Да, а затем мы остановились у вашего жилья, и я надеялся заселиться в него. Думал, свободно.

– О-о-о-о, ви пракъзник, сир. Ох-о-хо! – кричит собеседник. – Не съметь отвлекаться вас. Встрейтимся за общий ужн!

– Непременно.

Дедушка поковылял по своим делам.

– Мы в ту сторону идём? – спрашивает Рафаэль. – А то я двинулся по наитию.

Верг утвердительно кивает.

– А нам, извиняюсь, далеко ещё?

– Ваши апартаменты под номером двенадцать. Пришли, сэр. Держите электронный ключ. Пользоваться умеете?

– Пару раз останавливался в отелях. – Мужчина надевает намагниченный резиновый браслет на правое запястье.

– Господин В., не сочтёте за грубость, если тут мы распрашаем? Видите ли, я хотел бы самостоятельно повозиться в покаях. Немного уединения никому не помешает.

– Если вы того желаете – не смею препятствовать. Приходите на ужин в назначенный час, заодно сойдётесь с осталь-

ными отдыхающими.

Администратор удаляется.

– Верг!

– Да?

– Я ведь говорил, что старик подслушивает.

Ветер разочарований сменяется ностальгическим штилем. Всему виной домашняя естественность, встречающая своего временного хозяина с хлебом-солью. Резиновый серый коврик, жаккардовый пуфик, линолеум с принтом под паркет. Стены обклеены обоями в цветочный узор. По правую руку дверца в ванную комнату. А впереди – частично скрываемое проёмом – панорамное окно, что пропускает могущество природного простора, буквально окутывая своей персиково-розоватой прозрачностью возведённые человеком норы.

Рафаэль надевает приготовленные тапочки. Первым делом он суёт нос в санузел. Овальной формы белоснежная ванна в углу, рядом раковина с зеркалом без декоративной планки. Далее по радиусу обзора в глаза бросается унитаз, над которым угрожающе склоняется подвесная полка. Стиральной машинки нет, зато есть тканый мешок для грязного белья.

Следующая остановка – гостиная. Вблизи она ещё чудеснее. На стене плазменный телевизор. Противоположную сторону занимает стеллаж, заставленный книгами и вазами, на-

поминающими головы языческих божков. А перед панорамой располагается диван. Постоялец с нетерпением садится с левого края. Выпрямив спину, он делает глубокий вдох. Кроме неба, перед ним открывается обзор на зелёную полосу, состоящую преимущественно из елей. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины»¹⁸.

За спиной обнаруживается неприметная дверь, ведущая в спальню. От остальных зон её отличает отсутствие обоев. Стены здесь выкрашены в матово-синий. Основную часть пространства занимает кровать. Мягкий матрас толще своих рядовых родственников втрое. Рядом тумбочка, светильник, а над головой повесилось абстрактное искусство. Врезная, еле заметная ручка в перегородке интригует. Выдвигается прямоугольный фрагмент, оказываясь компактной полкой для вещей, уже бережно набитой таковыми. На всех бирках Рафаэль не без удивления отмечает свой размер. Конец экскурсии. Теперь можно и отдохнуть.

Двадцать ноль пять. Надо поторопиться. Небольшое опоздание хоть и является благородным жестом, но возрастает вероятность прийти крайним, а значит, много чужих глаз разом уставятся на нерадивую овечку. Намечается неприятное испытание, но хочется верить в лучшее. Пока центральное лицо преодолевает быстрым шагом коридорные отрез-

¹⁸ Цитата из поэмы «Божественная комедия» Данте Алигьери.

ки, из соседних номеров никто не высовывается. Глаза избегают смотреть в направлении трапезной, опасаясь поймать насмешливые выражения. Только минуя «пустотный мост», мужчина поднимает взгляд, в котором читается волнение. Бегло, на манер удара хлыста, он сканирует помещение, застукнув его фактически пустым. Лишь одинокий старик сидит в дальнем углу, локтями уперевшись о стол. При постороннем звуке он оживляется, выпрямляясь по стойке смирно.

– Аааа, это вы... – басит незнакомец, возвращаясь в исходное положение.

– Я?

– Ну не я же!

– А вы знаете, кто я?

– Нет. Зато точно вижу, вы не прекрасная особа. Не тот нежный лепесток, волнующий моё одинокое сердце!

– Вы, случайно, не про Лизавету Павловну?

– Вы с ней знакомы?!

– Я всё же угадал... Успокойтесь, уважаемый, не стоит так возбуждаться. – Мужчина определился с выбором, сев за стол у выхода. – Я незнаком с этой женщиной лично, но видел её в кинозале за просмотром научного фильма. Имя же мне подсказал сэр Верг.

– Меня Алексей звать! – прерывая логическую цепочку, выкрикивает этот возрастной, но ещё в атлетической форме дядька.

Наш оголодавший поднимает длань в приветствии, но не

успеваает назваться в ответ, как Алексей вскакивает, уверенным маршем подходит вплотную и протягивает свою широкую лопату для жатия.

– А тебя как звать, сынок?

– Рафаэль, сэр, – стонет мужчина, попавший в охотничий капкан.

– Тебя уже заразили...

– Простите?

– Да сэрканьем этим! Вот п... Ладно, ты не виноват, что вокруг одни идиоты. – Старик отпускает жертву и уходит на своё место.

– А где все?

– А?!

– Я спрашиваю, – набирает в лёгкие воздуха. – Где народ?!

– Леший их знает! – выпаливает не лучший собеседник, подчёркивая своё пренебрежение. – Хотел увидеть рожи одним дублем? Не дождёшься. Тут никакого порядка. Одно могу обещать точно – Лизавету-душеньку ты скоро узришь. У нас, видишь ли, тут свидание...

В сей момент распахивается дверь. Влюблённый начинает сиять. Четыре фигуры одновременно всплывают в столовую. Возглавляет шествие Лизавета Павловна. Всё в том же небесном летнем платье, она порхает до воздыхателя. Он же нетерпеливо вскакивает, целует даме лапку, после усаживая её рядом с собой.

– Хоть одно прекрасное создание в этой психушке!

– Где ваши манеры, сэр? Ладно мы, – администратор обводит рукой рядом стоящих Вану и прекрасную незнакомку в костюме горничной, как у Марии, – привыкли к вашему специфическому характеру, но пожалейте нашего прозелита¹⁹.

– Я не намерен изменять себе! А ты, девочка, – агрессор «тыкает» на особу в спецодежде, – неси харчи.

– Слушаюсь. – Но вместо немедленного исполнения наказания девушка подходит к Рафаэлю. – Рада познакомиться с вами. Меня зовут Сая. Вы можете обращаться ко мне с любой просьбой.

– Взаимно, буду иметь в виду. У вас красивое имя, надеюсь, не забуду.

– Всёю, ньяаш дуруг пьопал в чьяарыыы, – лепечет Вану, усаживаясь рядом с мужчиной.

– Прошу прощения за такое фиаско, но, похоже, других гостей не ожидается.

– Ничего страшного, Верг. В любом случае, основная моя цель – набить желудок съестным.

– Всё же хочу пояснить столь скудное посещение. Видите ли, в последний момент Вилска (очень приятная мисс) решила устроить застолье на пляже...

– Хватит мискать и сэргать! – выкрикивает Алексей.

– ...именно поэтому подача блюд немного задерживается.

– Дружище.

¹⁹ В широком смысле прозелит – это новый и ярый приверженец чего-либо.

– Да-да?

– Вы когда будете ужинать?

– За меня не беспокойтесь. Обслуживающий персонал питается в свободное от работы время.

– Хотел предложить вам и вашим «пчёлкам» поесть вместе.

– Какое... интересное и милое предложение! Вы требуете компании?

– Не принуждаю, но был бы рад.

– Схожу, оповещу Саю и Марию! А вот мисс Ия точно не сможет присоединиться. Она сейчас отдувается на берегу.

Администратор покидает залу, оставляя трёх мушкетёров на попечительство Лизаветы. Неловкая тишина растягивается на мучительные полминуты.

– Ну, рассказывай! – обращается к Рафаэлю пожилая гора.

– Что именно вы хотите услышать?

– За какие грешки тебя упекли?

– Да, знаете ли...

– Лизавета Павловна, к примеру, слишком хороша для общества бездуховных сволочей, из-за коих у неё периодически случаются припадки. Меня сюда засунули из-за честности! А вот узкоглазый, – акцентирует на слове «узкоглазый» собеседник. На хамство Вану лишь хихикает, учтиво кланяясь. – Этот Ваня-дурак у нас турист. На сафари он тут, понимаешь ли.

– Оооо, съээр Олегсйей, благадьярьйо вьас. Очьиэнь ээээ,

мьило-мьило!

– Заткнись, любитель летучих мышей.

– Дорогой, знайте меру, – вступается дама. – Ещё одна грубость в адрес нашего друга, и свидание будет окончено досрочно.

– Приношу сердечные извинения, душенька, – заискивающим тоном лепечет Алексей. – Усатый, я жду!

Дверь распахивается, прерывая допрос. Вкатываются два сервировочных стола. Сая подъезжает к влюблённым. Мария же начинает обслуживать мужчин.

– Какой вы симпатичный в бежевом комплекте.

– Надеюсь, комплимент без скрытой усмешки. – Конфузится Рафаэль.

Дежурная ставит четыре металлических лотка, накрытых клошем. Управляющий появляется из-за её спины, усаживаясь напротив Вану.

– А вы с нами не?..

– Марию мне не удалось уговорить. Она прикрылась заботами в поварской.

– Жаль.

– Не расстраивайтесь, я поем с вами в другой раз, когда осмелитесь пригласить повторно. Необходимые приборы находятся внутри. Когда закончите, оставьте посуду на столе.

– А если я захочу помочь вам? Мне тут некоторые (пристальный взгляд на Верга) шепнули о практике повышенной дозволенности в данных стенах.

– Кроме моментов, граничащих с чужой компетентностью, – отвечает за Марию администратор. – У всего есть пределы. Вечность, воля, богатство, дозволенность – не исключения.

За свободное место усаживается Сая.

– А у образов эти самые Г ещё жестче, – задумчиво произносит Рафаэль.

– Сэр?

– А это, дружище, уже не в вашей компетенции.

Сотрапезники брызгают слюной каждый на свой манер. Напряжение спадает.

– Всепоглощающего аппетита! – желает Верг.

– Пьейрятнага.

– Волшебного вам, джентльмены! – нараспев отзывается Лизавета Павловна.

Воцаряется тишина. Первые пять минут нужны для удовлетворения первостепенного чувства голода.

Усатый пришелец аккуратно снимает крышку. На тарелке порция риса Басмати с непонятным соусом, смахивающим на запеканку. По радиусу закручены кусочки красной рыбы, квадратики сыра твёрдых сортов и группа базовых овощей. На краю располагаются соусница, хлеб на салфетке, масло, фаршированные оливки и чай в электрической (автоматически подогреваемой) кружке. Мужчина с аппетитом бросается на кушанье.

Вторая половина ужина посвящается беседам и смакова-

нию листовых чаёв. Голубки весело воркуют, а пара работников и Вану вовлекают новенького в разговор.

– Вот скажите нам, – подаёт голос администратор. – Как вы думаете, какая нация является самой любезной?

– Япон! – вставляет китаец.

– Да, вот наш восточный гость считает таковой Японию. Там, по его мнению, давным-давно цветёт понимание и гармония за счёт, эээ...

– Национальный харьяктърэа и високотэхнолоджи!

– Именно. Юная мисс вот называет родину самой радушной. Как вы говорите?..

– Кто Родину любит, тому она в долгу не будет, – щебечет Сая.

– А вы, Верг? – интересуется Рафаэль.

– Я на стороне логики. Невозможно характеризовать отдельно взятый народ конкретным признаком. В каждом государственном отрезке свои герои и негодяи. И все мы настолько разные... Однозначной точки тут нет.

– Отьсень мудро, сизэр, – поддакивает Вану.

– Если вы разделяете точку зрения нашего дорогого проводника, то отчего не примкнёте к ней?

– Ооооо, тьяаак нельзйа! Чьужой мнение занэимть. Своё! Сьэр Райфаль.

– Звучит как вызов.

– Скорее игра, но можете трактовать иначе.

– Не озадачивайте себя ответом, сэр. Мы провокаторы! –

озорно заступается служанка.

– Благодарю, но всё-таки постараюсь дать отпор. – Новоявленный Рэмбо задумывается на целую (как ему кажется) бесконечность, изучая пространство за кубом. – Никакая. Разгадка кроется в культурном различии. Японцу нечего делить с туристом, допустим, из Америки. Иностранец приехал пофотографировать домишки, отведать местной пищи, да и в конфликт тяжело ввязаться ввиду языкового барьера, но между собой... Поэтому понятие «любезности» существует фрагментарно. Люди – собаки, только злее.

– Отлично, но вы пришли к моему умозаключению, просто иными словами.

– Сомневаюсь. Вы – центрист, то есть пребываете в неопределённости. Я же утверждаю.

– Простите?

– Ой, а я вас поняла, Рафаэль. И очень хорошо уловила суть, а управляющий – нет. Он не видит отличия!

Озлобленность Верга быстро спадает, но присутствующие улавливают дёрг жевательных мышц.

– Признаюсь, обыграли.

Незаметно к заурядной четвёрке приближается Алексей. За ним плетётся Лизавета Павловна, которая пыжится утащить благоверного восвояси.

– Сынок, ты меня собакой обозвал?

– Я? Ни в коем разе.

– Сэр, пожалуйста, успокойтесь. – Администратор вска-

кивает на ноги, становясь живой стеной промеж агрессором и потенциальной жертвой.

– Кличет людей тупыми животными!

– В масштабном плане – да. Против биологии не попрёшь.

– Ладно всякие гуки и прочая требуха, но мы-то, мы!

Сколько выстрадали; скольким помогли, получив по итогу пинки да издёвки!

С каждым словом Алексей заводит себя ещё пуще. Уже и Вану приходится подключаться к обороне.

– Да утихомируйтесь! Возмущаетесь, что вас собакой называли, а ведёте себя куда срамней! – защищается Рафаэль, допивая чай.

– Прошу, давайте уйдём, я провожу вас до номера, – шепчет девушка.

– Голубчик! – Управляющий хватает быка за рога.

– Аааа, не имеете права! Этот подонок и душеньку заразой окрестил!

– Дурдом!

– Ага, Верг! А мне запретили выражаться.

Философ-шутник под ручку с Саей медленно направляется к выходу.

– Сейчас не до ваших остроумий. Алексей, вы пили своё лекарство?

– Убью, сволочь!

– Значит, нет. Пригласите Луку, живо!

Обезумевший вырывается из тисков ровно в тот момент,

когда враг переступает порог. Он выхватывает первую попавшуюся тарелку и метает её в неприятеля со всей мóчи.

Эрос и Веста. Вечерний Ахиллес.

1893 выпуск от 17.03.2128

В комнате для съёмки backstage-сцен к intro стоит Ахиллес и юноша с рыжей копной, смахивающий на модель haute couture. На бывшем Пиррисии²⁰ надет традиционный погребальный костюм. Гость же, в своей короткой (чуть ли не кроп-топ) футболке с изображением Микки Мауса, наглядно подчёркивает разность социально-акцентуационного положения, хотя, опять же, пользуясь «серьёзными» сказками людей, два этих персонажа уже давно объединены в одно слово «миф», не имеющем в нынешнем безвременье почти никакого смысла.

– Вы у нас тут как себя чувствуете, Эрос?

– Вполне комфортно, спасибо.

– Просто вы так бегаετε взглядом, словно ищете, в кого бы запустить свои коварные стрелы.

– Немного волнуюсь.

– А можно поинтересоваться, где ваш лук?

– Ахиллес, ну почему сразу лук? Сейчас XXII век.

– Я понял, стреляете из пальца в стиле супергероя?

– Естественно, это ведь культурная апроприация.

– А вы эрудированный! Без человекoв не скучаете?

²⁰ Пиррисий (ледяной) – первоначальное имя Ахиллеса, сына Пелея и Фетиды.

– Давайте поговорим об этом уже...

– Полностью с вами согласен. Ну всё, ребята, работаем!

На экране вспыхивает заставка шоу. Начинает играть интродукция популярной некогда попсы с барабанным ритмом и саксофоном за компанию. Мельтешат абстрактные объёмные фигуры с декоративными ангелами, летающими по диагонали.

Закадровая речь:

«Дамы и господа, на центральном канале передача: „Вечерний Ахиллес“. Приглашенная музыкальная группа: „Противник“».

Камера крупным планом выхватывает участников, на базах харизматичный Аид.

«Гости выпуска: молодой и горячий Эрос, который готов покорить ваши сердца, даже если вы этого не захотите! И самая ламповая, и душевная женщина-огонь, леди Веста!» Под финальные аккорды показываются визитёры. Появляется общий план с диваном и стол из красного дуба, за который садится ведущий.

– Добрый вечер, боги и полубоги. С вами Ахиллес, и сегодняшний выпуск хочется начать с новостей.

громовые аплодисменты

В руках у оратора обнаруживается небольшой ворох папируса.

– Ничего не забыл? – встревает соведущий, чей голос знаком зрителю из заставки.

– Ты про что?

– Меня представить.

– Сожалею... Дамы и господа, поприветствуйте моего кудрявого помощника, которого вы и так все хорошо знаете – Париса!

Снова звучит проигрыш с раздачей вялых аплодисментов.

– Итак, возвращаемся к новостям... Всеми нами уважаемый господин Зевс на днях (пауза) запускал молнии в скопления деревьев.

смех из зала

На вопрос Гермеса, зачем это, дескать, ваше высочество устроило такую бесполезную стрельбу, Зевс ответил (многозначительная пауза и взгляд в камеру): «Да что-то больше некого наказывать!»

смех из зала

Следующее известие связано с играми, которые вы так любите, но вот про одних представителей совсем забыли. После смерти своих людей испанские быки с корриды потеряли ремесло и были высланы на вольные хлеба. Там они

эволюционировали в (делает вид, что внимательно вчитывается) домашних Торо Браво, правда, вот с размножением возникли проблемы, коров-то больше нет.

смех из зала

И последнее сообщение: несмотря на долгое отсутствие представителей ЖКХ, для построек всё осталось по-прежнему. Они такие же неухоженные, без горячей воды и в аварийном состоянии.

смех из зала

Это «Вечерний Ахиллес». Начинаем!

(музыкальный проигрыш)

Парис:

– Боги и богини, встречайте нашу первую жертву, Эрос!

(музыкальный проигрыш)

Юноша выпархивает на сцену, шутиливо машет зрителям кистью на манер ушедшей аристократии. Ещё секунд десять он наслаждается аплодисментами, затем усаживается на ди-

ван.

– Как народ приветствует главного сердцеда, а?! Как у вас дела?

– Неплохо. Пока ждал своего выхода, успел познакомиться с вашей ассистенткой.

– Парисом?

смех из зала

– Нет, девочкой из полукровок.

– А чем Парис вам не угодил?

– Ну... Он не симпатичная девушка.

Ахиллес:

– Ты это слышал? Время тебе идти на спа-процедуры.

– Не дай бог.

смех из зала

– Вы пригласили мою ассистентку на свидание?

– Не успел, помешали ваши крики.

– Крики?

смех из зала

– Ну да, вот это вот ваше: «Это „Вечерний Ахиллес”». На-

чинаем!»

– Простите, больше такого не повторится. Так, ладно, давайте мы с вами перейдём на более насыщенные темы. Вы, после того как некого стало мочить стрелами, занялись...

– Вокалом. Да, теперь я пою.

аплодисменты

– Вау! Эрос, просто вау! Так удивительно, что никто вас никогда не слышал и не видел с кифарой в руках. Почему?

смех из зала

– Подловили! Тут нечего особо рассказывать. Музыканты на Земле были таковыми либо ради денег, либо по своим специфическим – крутит указательным пальцем у виска – обстоятельствам. А мне, Купидону, обе темы не очень близки, поэтому пою не для хайпа, а так, в своём маленьком блоге для подписчиков.

Парис:

– Я тут нашел вашу страницу. Давайте насладимся творчеством!

Ахиллес:

– А действительно!

Юноше не дают запротестовать. Софиты переходят в при-

глушенный режим, нажимается **Play**. На экране возникает знакомая рыжая копна. Торс обнажён. В руках герой ролика держит классическую шестиструнную гитару. Судя по маслянистым глазам, он действительно только проснулся, сразу включив запись.

«Доброе утро, мои дорогие подписчицы. О, тут и Аннабет. Привет! Да, если вдруг есть и парни, то и вам здорово. Вчера допоздна писал одну песню, прям вот нахлынуло вдохновение, хочу поделиться с вами».

Оу (тунд-тнд) О-у, ооооо (тнд-тундн)

А, оуоу (тндтн) Оу-оооооо (тэнндэтэн)

Когда смотрю я на тебя; когда я думаю
о тебе,

то вижу я, чувствую всю вероломность бытия!

Когда я чувствую сквозь века; когда ищу
твой взгляд!..

Я рассыпаюсь на глазах.

Я скрываю свою боль от тебя...

от тебя.... от тебя..... от тебя.....

Оу (тунд-тнд) О-у, ооооо (тнд-тундн)

А, оуоу (тндтн) Оу-оооооо (тэнндэтэн)

истерический смех из зала

Купидон краснеет.

– Любите вы вырывать из контекста. Я там дальше говорю, что это ещё только набросок.

– Разумеется, но лично я считаю, – Ахиллес берёт заговорщицкий тон, – это уже шедевр. Особенно где вы: «Оу, Оу, ооооо».

смех из зала

Парис:

– Умеют же удивить наши, а? Кстати, Ахиллес, ты ничего не забыл?

– Да, прежде чем мы прервёмся на рекламную паузу и позовём нашу следующую гостью, Эрос, хочу попросить от всего сердца.

Ведущий встаёт со своего места, идёт за кулисы. Оттуда он приволакивает гитару, пытается всучить парню под общий шум подбадривающих аплодисментов. Униженный возмущённо покидает сцену. Зал продолжает хлопать. Несколько голосов подвывают такому поступку. Ахиллес же только жмёт плечами, приступая брэнчать допотопную мелодию:

Оу (тунд-тнд) О-у, ооооо (тнд-тундн)

А, оуоу (тндтн) Оу-оооооо (тэнндэтэн)

Когда смотрю я на тебя; когда я думаю
о тебе!

То воспоминается мне

на центральном каналеeee реклама!

ГЛАВА 3. ВОЛНЫ ВЕРГДЖИЛИУСА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.